

«ЖИТИЕ ИРОДИОНА ИЛОЕЗЕРСКОГО» (ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ ЛОКАЛЬНОГО АГИОГРАФИЧЕСКОГО ТЕКСТА И ЛОКАЛЬНОЙ ИСТОРИИ)

Определяются особенности локального агнографического текста XVII в. – Жития Иродиона Илоезерского, рассмотренного в контексте региональной истории Белозерского края. Анализ текста с привлечением материалов по подготовке канонизации святого и о повседневной жизни Белозерья показывает, как агнографический текст, абстрагируясь от реальных событий, проявлял их духовную (вневременную) сущность.

Ключевые слова: жития русских святых; типология житийных сюжетов; региональная агнографическая традиция Белозерья; локальный текст; локальная история.

«Житие преподобного Иродиона Илоезерского» (далее – ЖИ) – одно из тех произведений агнографического жанра, которые до недавнего времени не попадали в поле зрения исследователей и обращение к которым является давно назревшей необходимостью. В программной работе О.В. Творогова, посвященной созданию каталога списков русских житий, указывается, что ЖИ «не изучено и было издано лишь по единственному списку» [1. С. 34].

ЖИ принадлежит к числу относительно поздних (XVII в.) житий, созданных там, где проходила жизнь святого и где находился естественный центр его почитания. Таким образом, ЖИ является памятником региональной агнографии, в котором отразились характерные особенности подобного рода текстов. Во-первых, это типичный пример создания культа местничного святого Белозерского края – одного из важнейших регионов для понимания древнерусской святости. Во-вторых, в ЖИ мы находим отражение истории повседневности насельников северного края России в XVII в. Кроме того, обнаружение документальных материалов по подготовке канонизации преподобного Иродиона, разнообразие редакций житийного текста, достаточно многочисленные документальные свидетельства о жизни Озацкой волости, где подвизался святой, позволяют поставить вопрос о художественном своеобразии агнографического текста, об определении тех правил, по которым событийный ряд, отраженный в тексте юридического документа, оказывается преобразован в текст житийного произведения [2]. Таким образом, ЖИ дает многообразный материал для изучения русской агнографии вообще и в XVII в. в частности, для определения значимости локального агнографического текста при создании локальной истории Белозерского края.

О необходимости изучать региональные агнографические традиции в связи с близкой к Белозерью вологодской агнографией писала С.А. Семячко: «Региональная агнографическая традиция предполагает изучение житий, в которых изображается духовный подвиг святого» в определенном месте, по которому он и получает освященное затем церковной традицией наименование [3. С. 122].

Иродион подвизался на расположенном в Белозерском уезде Илоезере, что отражено в заголовках ЖИ (например, «Сказание и повесть краткая о житии и чудесах преподобного и богоносного отца нашего Иродиона чудотворца, Божьей благодатью просиявшего в Белозерских пределах, в местности, именуемой Междозерье, что на озере Ило»). С.А. Семячко в связи с

проблемой состава вологодских агнографических памятников ставит вопрос и о белозерских святых. Вероятно, в будущем можно будет говорить о собственно белозерской агнографической традиции, но в настоящее время лишь самые известные из святых Белозерского края удостоились серьезного внимания исследователей [4, 5]. Еще ждут изучения «соседи» преподобного Иродиона Зосима Ворбазомский, Сергей Шухтовский, Даниил Шужгорский и др.

Отражение в тексте жития локальной истории, повседневной жизни окрестных жителей сегодня становится одной из главных проблем при изучении агнографических текстов. К последней четверти XIX в. вопрос о том, в какой степени жития русских святых могут быть использованы в качестве исторических источников, был, казалось бы, закрыт с появлением знаменитого труда В.О. Ключевского, который заключил, что «трудно найти другой род литературных произведений, в котором форма в большей степени господствовала бы над содержанием» [6. С. 358]. Тексты житий святых стали использоваться в лучшем случае для дополнительного подтверждения фактов, известных по иным источникам. Условность и каноническая структура житий воспринимались как непреодолимое препятствие для понимания того, какое реальное событие стоит за словами агнографического текста. В советскую эпоху памятники агнографии чаще всего использовались для иллюстрации классовой борьбы, церковной колонизации земель или церковного землевладения и т.п. [7].

При этом для таких исследователей, как Ф.И. Буслаев, было очевидно, что жития «составляют самый любопытный наставительный, а вместе и в высшей степени занимательный отдел в нашей древней словесности», поскольку в них, «с одной стороны, предлагаются важнейшие данные для истории православия в России, с другой – любопытнейшие подробности для истории частной жизни, как духовной, так и светской, для истории нравов, обычаев, образа мыслей и т.п. В статьях о чудесах угодников иногда в ярких очерках выступает частная жизнь наших предков с их привычками, задушевными мыслями, с их бедами и страданиями» [8. Стб. 736].

Иными словами, агнографические тексты, которые представляются малоинформативными с точки зрения «большой» истории, оказываются чрезвычайно важными, как только ученый обращается к истории локальной и истории повседневной жизни людей. Заметим, однако, что исследователю, как правило, предстоит большая работа для извлечения из текста агнографического произведения сведений по истории повсе-

дневной жизни обитателей Древней Руси, поскольку интенционально в любом житии события земной жизни засвидетельствованы на языке жизни «небесной» и вневременной. Как правило, качество «перевода» агиографического текста на язык повседневности, т.е. объем актуальной информации, извлекаемой из жития, оказывается обусловлен тем, насколько обратившийся к житию ученый осведомлен об историко-культурной ситуации, в которой возникает и существует текст¹. Осознавая необходимость глубокого изучения именно этого широкого контекста, тот же Ф.И. Буслаев сформулировал задачу исследователя так: «Историк русской культуры прежде должен совершить многотрудное путешествие по России и потом уже приняться за ученые исследования» [9. С. 132].

В последние несколько лет нами был рассмотрен и опубликован довольно обширный комплекс текстов, связанных с существовавшей в Белозерском уезде в третьей четверти XVII столетия Междоозерской Богородице-Рождественской пустынью и ее номинальным основателем преподобным Иродионом Илоезерским, жившим за век с лишним до того [10. С. 129–132; 11. С. 85–104; 12. С. 271–278; 13. С. 39–92].

Итак, вполне безыскусное ЖИ было составлено около середины XVII в. в преддверии церковного следствия о чудесах преподобного, по результатам которого преподобный был причислен к лику святых, а пустынь получила земельный надел [14]. Из жития мы узнаем, что иеромонах (возможно, иеросхимонах) Корнилиев Комельского монастыря Иродион покинул обитель после смерти преподобного Корнилия Комельского² и поселился в Белозерском уезде. По прошествии некоторого времени, получив во сне откровение, он приобрел у некоего Анисима землю в Междоозерской (Озацкой) волости Надпорожского стана около озера Ило, которое в настоящее время называется Радионским³, где выстроил церковь во имя Рождества Богородицы, в теплой трапезной которой обитал в посте и молитвенном подвиге.

Далее ЖИ повествует о том, что окрестные жители стали стекаться к месту обитания святого, нарушая его уединение: «По сем начаша у церкви мертвых погребати и младенцев крещати, и брачитися. И яды мяса, и питье пьянственное приношаху и пяху ту. И молва велия бысть пьянства ради, и между собою, всякия скверныя и срамныя речи изношаху» [15. Л. 7]. Чтобы не соблазняться зрелищем и не слышать непристойного шума, преподобный по молитве теряет зрение и слух и уходит жить из церкви в келью, где благочестиво оканчивает свои дни. Пространные версии ЖИ содержат описание двадцати одного чуда преподобного, произошедшего от его мощей.

События жизни преподобного выглядят вполне тривиальными, если не знать их юридическую и экономическую подоплеку.

В XVI в. Белозерский уезд, кроме земель, которыми уже владели монастыри, прежде всего крупные, Кириллов Белозерский и Ферапонтов, был практически весь черносошным [16. С. 73, 75]. Строго юридически земля считалась собственностью Московского государства, реально же с ней совершались разнообразные сделки, включая продажу, дарение, включение в состав насле-

дуемого имущества и т.п. [17. Т. 1. С. 53]. Это означает, что прежним владельцем земли был крестьянин⁴, который действительно продал, но не землю, а лишь право распоряжаться ею пришлому монаху. Позднейшее существование на этом месте мирского прихода говорит о том, что после смерти преподобного земля как выморочное имущество и церковь на ней, очевидно, стали собственностью «мира», который, как всегда бывало в таких случаях, принимал на себя «тягло» скончавшегося владельца земельного надела [18. С. 77].

В этой перспективе иначе выглядит сообщение ЖИ о поведении местных жителей возле выстроенной преподобным церкви. Очевидно, что по прошествии некоторого времени члены общины, на земле которой была выстроена церковь, стали претендовать на ее использование в качестве актуального культового центра. В Северной Руси место, где располагалась церковь, как правило, становилось еще и местом общественных собраний, которые нередко могли совпадать с традиционно устраиваемыми в «трапезе» общинными застольями – «братчинами», «складочными пирами», «питием молебных пив» и хорошо известным и в настоящее время поминовением усопших в праздничные или «родительские» дни [19. С. 105; 20. С. 268–269; 21. С. 68]. Надо полагать, что особой воздержанности на этих общественных мероприятиях ожидать было бы неправомерно, что и засвидетельствовано в Житии преподобного.

В качестве вероятной причины того, что церковь более не воспринималась как собственность преподобного, могла стать его неспособность нести тягло, что, в свою очередь, нетрудно объяснить физическими немощами преподобного, например его слепотой и глухотой. Соответственно, и келья, куда переселяется преподобный, оставив уже не принадлежащий ему храм, была, скорее всего, одной из тех «сельских богаделен, в которых проживали нищие старцы и старицы» [21. С. 68] и которые засвидетельствованы документально около церкви на озере Ило (как и в огромном количестве иных приходов) в XVII и даже в XVIII вв.⁵

Иногда понять, что скрывается за словами ЖИ, позволяет сохранившийся текст «Обыска о чудесах преподобного Иродиона» [24]⁶. Весной 1653 г. архимандрит Кирилло-Белозерского монастыря Митрофан⁷ провел следствие, по результатам которого был составлен этот документ, фиксирующий свидетельства окрестных жителей о тех событиях, которые были так или иначе связаны с преподобным Иродионом. Тщательная и юридически значимая запись показаний была главной задачей церковного следствия. В дальнейшем «Обыск» послужил основой для составления пространной редакции ЖИ [11]. Это позволяет увидеть некоторые закономерности превращения юридического документа в агиографический текст.

Так, например, «некая жена Ирина», чей муж Афанасий Зубов был послан «на воеводство в Сибирские в дальние страны» [15. Л. 16, 16 об.], в тексте «Обыска» была «боярыней», Ириной Прохоровой дочерью, вдовой Афанасия Иванова сына Зубова, который послан был «по государеву указу прошлого 137-го году в Сибирь на воеводство в Кузнецы» [11. С. 90]. Как видим, ЖИ по возможности избегает конкретики.

Другой пример: в ЖИ повествуется об исцелении некоего Стефана, одержимого «черной болезнью»⁸: «...И во един от дний сродницы его и сердоболи, связавше ему руце, влекоша ко гробу преподобнаго Иродиона чудотворца. Он же, терзаяся, не хотяше ити...» [15. Л. 13 об.].

Свидетельство, лежащее в основе рассказа об этом чуде преподобного, фиксирует слова священника Междоозерской церкви Василия Герасимова, чьи дети, внуки и более отдаленные потомки были настоятелями храма как минимум до третьей четверти XVIII в.: «А при моем, де, поповстве, во 130-м году, а в котором месеце и числе, того, де, я не упомню, помещика Захарья Васильева сына Неелова⁹ крестьянин Стефан Иванов одержим был черным недугом. И привели его на вожжах люди боярские, Моисей с товарищи...» [11. С. 89].

Отсутствие указания на время события в ЖИ – естественная и ожидаемая дань жанру: Царствие Небесное не имеет измерения времени. А вот превращение слуг, тянущих «на вожжах» страдающего судорожными припадками Стефана, в родственников пациента должно быть объяснено: вместо приказа конкретного помещика появляется ссылка на сочувствие («сердоболи») больному. На поверхности лежит желание смягчить картину, но весьма вероятно, что указание на родство предполагает осмысление общего духовного родства страждущего Стефана и «боярских людей». Отсутствие же упоминания имен, похоже, объясняется тем, что «Моисей с товарищи» выступают в качестве простого орудия Божьей воли.

Еще два из описанных в ЖИ чудес очень похожи одно на другое. В одном из них повествуется: «Человек некий, именем Иоанн... поведи нам сице вещь предивну: яко приближися День Господень Светлаго Христова Воскресения, и абие он Иоанн празднова с радостию. И в день Светлаго понедельника внезапно язык у него отъяся, и не може глаголати, ни вопрошати кого...» [15. Л. 24, 24 об.].

«Обыск» позволяет восстановить отсутствующую причинно-следственную связь: «Поместья Ивана Трофимова сына Корозева деревни Потанина крестьянин Иван Алексеев сказал пред архимаритом Митрофаном: Во 158-м году в понеделник на Светлой недели отнялся у меня язык за мое согрешение. И не говорил я б дней. И приехав в Фомину неделю к преподобному Иродиону чудотворцу, и пел молебен. И того же дни стал говорити и доныне здрав бысть молитвами преподобнаго Иродиона чудотворца» [11. С. 92–93]. Следует только знать, что «согрешением» стандартно называлось чрезмерное употребление спиртного.

Еще одно чудо преподобного Иродиона Илоезерского замечательно тем, что угадать, какое событие стоит за словами жития, почти невозможно: «Некий человек, именем Антоний... имея велию веру ко святому. И во един от дней он Антоний потреби ради некия изыде на поле. Попущением же Божиим восхити его абие дух нечистый. И яко руками носим бе по лесом и по благом день и ночь. И егда преста несение, он от того поглумления лукаваго едва в живых оста и лежаше повержен на земли безпамятен» [15. Л. 8 об., 9].

«Обыск», как и в прочих случаях, снабжает рассказ подробностями: «Помещика Григория Михайлова сына

Неелова крестьянин Аньтон Пахомиев сказал: Во 160-м году, в месяце октябре, после Покрова Пречистыя Богородицы, а в кое число, того я не помню, выгнал я скот на поле. И прииде на мя буря, и скот в то время повалялся, и ухватил мя за руку, аки человек, да и понес по лесу. А человек мне видялся с лесом нарovenь. И носил, де, меня по лесу сутки целые, и покинул меня на лесу...» [11. С. 91].

То, что нам может показаться обманом зрения героя, не различающего бурю и нечто антропоморфное огромного роста, для рассказчика середины XVII столетия естественно и не противоречит достоверности увиденного. То, с чем столкнулся Антон, имеет свое имя. Мать героя комментирует событие так: «...како сын мой... был в заблуждение лешим сносим...» [11. С. 91].

Вероятно, с научной точки зрения, описанное событие следовало бы интерпретировать как редкое в тех широтах природное явление – смерч. Но наша картина мира существенно отличается от картины мира белозерских жителей прошедшей эпохи. И мы, если попробуем сравнить ЖИ и лежащий в его основе документ, глядя на воздушный столп глазами предков, увидим все то же желание составителя ЖИ избежать лишних подробностей, в том числе и в определении разновидности нечистой силы, напавшей на крестьянского мальчика.

Итак, очевидно, что в ЖИ, как и во многих других произведениях агиографического жанра, при «переводе» рассказа о событии с языка повседневности на язык иног Царства устранялись подробности, имена второстепенных персонажей, даты, конкретные обстоятельства произошедшего.

Важно при этом, что в начальный период своего бытования многие житийные тексты были или могли быть обращены к тем людям, которые сами являлись участниками или очевидцами описываемых событий.

Ряд фактов, проанализированных нами в других работах (в особенности сохранившихся списков ЖИ, описи церковного имущества Междоозерской пустыни, отписки священников о почитании святого и т.п.), позволяет с высокой степенью уверенности говорить о том, что ЖИ было составлено в последней четверти XVII в. в том самом месте, где подвизался преподобный, где находились под спудом его мощи и где был естественный центр его почитания¹⁰, где жили ставшие персонажами ЖИ люди и где продолжали жить их ближайшие потомки [6. С. 43]. Слушатели знали, что случилось с Матроной, кто и по чьему приказу тащил Стефана ко гробу преподобного, и т.д. Другими словами, ЖИ являлось рассказом о жизни обычных людей на языке иног Царства, при этом жители окрестных деревень с легкостью могли узнавать себя в идеальных образах. Эта обращенность к кругу лиц, итак знавших о событиях, обуславливает то, что житийный текст, *преображая*, нисколько не *искажает* действительность.

Более важным оказывается то, что в рассказах о чудесах в ЖИ между человеком и Богом единственным медиатором оказывается преподобный Иродион.

Итак, видимая причинно-следственная связь между событиями в одном ряду, с точки зрения составителя агиографического памятника и, несомненно, с точки зрения слушателей ЖИ, оказывается мнимой. Это особенно ярко видно в приведенном сюжете о переселении

преподобного Иродиона из церкви в келью, когда причина и следствие меняются местами.

Таким образом, мы видим, что агиографический текст подчинен, прежде всего, одной цели: он должен проявить подлинную (духовную) сущность описываемого события, а для этого совершенно лишними оказываются частности и подробности, в том числе и причинно-следственные связи, способные только заслонить вневременный смысл.

Важным оказывается то, что в тексте жития центральный персонаж каждого рассказа выступает по возможности «соло», как личность, взаимодействующая

с высшей силой напрямую или при посредстве одного лишь святого, но никогда при участии других людей, которые также попадают в разряд обстоятельств, не имеющих к событию прямого отношения.

Чрезвычайно важно также то, что такой способ художественного осмысления реальности не был уникальным. Мы можем говорить об особом способе концептуализации действительности, который был естественным не только для составителя ЖИ, но и для слушателей или читателей этого памятника позднерусской агиографии и который сохранялся, насколько можно судить, довольно длительное время.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Один из самых выдающихся лингвистов современности профессор И.А. Мельчук в выступлениях неоднократно повторяет афористическую максиму: «Перевод осуществляется не через знание языка, а через знание действительности».

² Преподобный Корнилий Комельский скончался в 1537 г.

³ Радионское озеро – самое южное из озер так называемой Лозско-Азатской озерной системы – расположено примерно в 30 километрах к югу от города Белозерска Вологодской области.

⁴ Это предположение подтверждает и документ, называющий «Анисимка» крестьянином [14. Л. 9 об.].

⁵ Ср.: «Да на погосте, на церковной же земле, три кельи. А в них: в келье старец Феодосей; в келье просвирня вдова Капитолинка Алешкина жена Иванова; в келье старица Екатерина. А питаютца они от церкви Божию» [22]; «В келье просвирня Марья Григорьева, штидесят лет, питается мирским подаванием. Милостынею у нее же в келье нищей Анцыфор, штидесят пяти лет. В келье ж нищая вдова Ирина Перфильева дочь, пятидесят, у нее вдова Елена Симеонова дочь, штидесят лет. В келье ж нищей Андрей Иванов сорока лет, хром» [23].

⁶ Текст опубликован нами [11. С. 88–93].

⁷ Митрофан был «определен» в настоятели знаменитой обители 17 мая 1652 г. и занимал это место до 30 декабря 1657 г., когда был уволен. С 4 марта 1659 г. по 26 декабря 1660 г. он был игуменом Кириллова Новозерского монастыря [25. Стб. 56, 78–79]. В издании, суммирующем сведения о древнерусской литературе [26. С. 352–354], Митрофан ошибочно называется автором ЖИ.

⁸ *Черная болезнь* или *черная скорбь* – общее название для всех заболеваний, сопровождающихся судорожными припадками.

⁹ «Смолянин» Захарий Неелов упоминался среди жителей города Бела-озера в писцовых книгах 1131/1623 года: «А что в прежних писцовых книгах 131 года писцов Афонася Гурьева да подьячего Тимофея Карпова... были написаны... двор смолянина Захарья Неелова...» [16. С. 12].

¹⁰ Почитателей преподобного едва ли могло быть слишком много. Так, в двенадцати селениях, относившихся к Богородице-Рождественскому Междуозерскому приходу, в третьей четверти XIX в. насчитывалось всего 45 дворов [27. С. 191].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Творогов О.В.* О своды древнерусских житий // Русская агиография. Исследования. Публикации. Полемика. СПб., 2005.
2. *Ромодановская Е.К.* Преобразование агиографического жанра в литературе переходного периода (вымысел и документальность) // Традиции в контексте русской культуры. Череповец, 1993. Ч. 1. С. 41–44.
3. *Семьячко С.А.* Проблемы изучения региональных агиографических традиций (на примере вологодской агиографии) // Русская агиография. Исследования. Публикации. Полемика. СПб., 2005.
4. *Романенко Е.В.* Нил Сорский и традиции русского монашества. М.: Памятники исторической мысли, 2003. 252 с.
5. *Карбасова Т.Б.* История почитания преподобного Кирилла Новозерского // Русская агиография. Исследования. Публикации. Полемика. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. С. 504–526.
6. *Ключевский В.О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871.
7. *Будовниц И.У.* Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV–XVI веках (по «житиям святых»). М., 1966.
8. *Буслаев Ф.И.* Историческая хрестоматия церковнославянского и русского языков. М., 1861.
9. *Буслаев Ф.И.* Разбор сочинения Н.И. Костомарова под заглавием «Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях» // Отчет о тридцать первом присуждении Демидовских наград. СПб., 1862.
10. *Лифшиц А.Л.* Преподобный Иродион Илозерский: забытый святой, неизученное житие // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2004. № 4. С. 129–132.
11. *Лифшиц А.Л.* Житие преподобного Иродиона Илозерского: Заметки о возникновении пространной редакции и ее бытовании в XVIII веке // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2005. № 2. С. 85–104.
12. *Лифшиц А.Л.* Кириак Ястребенский – неизвестный книжник второй четверти XVIII в. // Хризограф. М., 2005. Сб. 2. С. 271–278.
13. *Лифшиц А.Л.* Преподобный Иродион Илозерский и основанная им Междуозерская в честь Рождества Богородицы пустынь // Вестник церковной истории. 2009. № 3–4. С. 39–92.
14. РГАДА. Ф. 1441. Оп. 1. Ед. хр. 126 – Отказная книга на Илозерский остров Богородице-Рождественской Родионовой пустыни. 28 февраля 1654 г.
15. РНБ. Погод. 726 – Житие Иродиона Илозерского. 1746 г.
16. *Копанев А.И.* История землевладения Белозерского края XV–XVI вв. М.; Л., 1951.
17. *Богословский М.М.* Земское самоуправление на русском Севере в XVII в. Т. 1. М., 1909; Т. 2. М., 1912.
18. *Юшков С.В.* Очерки из истории приходской жизни на Севере России в XV–XVII вв. СПб., 1913 (Летопись занятий Археологической комиссии за 1913 год. Вып. 26. СПб., 1914).
19. *Неволин К.А.* О пятинах и погостах Новгородских в XVI веке // Записки императорского Русского географического общества. СПб., 1858. Кн. 8.
20. *Папков А.А.* Древнерусский приход // Богословский вестник. 1897. № 2 (Февраль).
21. *Папков А.А.* Погосты в значении правительственных округов и сельских приходов // Русский вестник. 1898. Ноябрь – декабрь.
22. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ед. хр. 12757 – Список с Переписных книг Белозерского уезда 1679 г.
23. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ед. хр. 12759 – Переписная книга волостей Надпорожского стана Белозерского уезда 1710 г.
24. РГАДА. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 103.
25. *Строев П.М.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877.
26. *Словарь книжников и книжности Древней Руси.* СПб., 1993. Вып. 3, ч. 2.
27. *Богословский Н.* Материалы для истории, статистики и этнографии Новгородской губернии // Новгородский сборник. Новгород, 1865. Вып. 1.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 13 февраля 2012 г.